

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И НОВАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

(К ВОПРОСУ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ)

© 2001 г. А. В. Кравченко

Статья предлагает холистический подход к языку, основанный на эмпирических фактах, обоснованный новой эпистемологией автопойезиса и имеющий следующие главные позиции: 1. Язык - это знаковая система, используемая для образования языковых единиц, составляющих знаковую систему; 2. Функция языка как знаковой системы заключается в накоплении и сохранении категоризованного опыта взаимодействия человека с миром, или знания; значение языковых знаков имеет опытную природу, т.к. возникает в результате различных взаимодействий организма со средой; 3. Поскольку весь наш опыт опирается на восприятие, научное изучение языка и значения невозможно без изучения процессов восприятия; 4. Функция языка как деятельности состоит в адаптации к среде для обеспечения человеку оптимальных условий для его существования и управления ею. Биологическая теория познания и языка, разработанная на основе автопойезиса, дает возможность решения ряда проблем, стоящих перед современной лингвистической наукой.

The article proposes a holistic approach to language sustained by empirical evidence and supported by the new epistemology of autopoiesis, with the following basic tenets: (i) Language is a sign system used to generate linguistic entities which constitute a sign system, (ii) The function of language as a sign system is to accumulate and store human's categorized experience (knowledge) of the world, the meaning of linguistic signs is experiential in nature since it emerges from an organism's interactions with the environment, (iii) As all our experiences are derived from perception, a scientific study of language and meaning is impossible without the study of perceptual processes, (iv) The function of language as an activity is to help human beings adapt to the environment to ensure optimal conditions for their survival and reproduction. A biological concept of cognition and language offered by autopoiesis provides possible solutions to a number of problems faced by contemporary linguistics.

1. ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ

Последние десятилетия XX века отмечены стремительным ростом исследований различных аспектов познавательной деятельности человека. Когнитивная наука оформилась в самостоятельную область научного знания, главной задачей которой является понимание природы определенных символических процессов, составляющих разумное (осознанное) поведение человека. В центре внимания стоят такие когнитивные способности, как восприятие, усвоение и обработка языка, планирование, решение проблем, рассуждение, научение, а также приобретение, представление и использование знаний [1]. При этом естественная языковая способность человека оказывается альфой и омегой в том смысле, что без обращения к языку нельзя надеяться понять суть других когнитивных способностей, т.е. язык оказывается важнейшим объектом когнитивной науки, ее эпицентром. Подход к языку с таких позиций привел к формированию новой парадигмы в науке о языке, получившей название *когнитивной лингвистики*.

Перед современной лингвистикой как когнитивно ориентированной наукой ставятся в насто-

ящее время три главных проблемы: о природе языкового знания, о его усвоении и о том, как его используют [2]. Поэтому лингвистика, если она не на словах, а на деле хочет быть научной дисциплиной, в задачи которой входит достижение понимания (фундаментальный аспект) и обеспечение объяснения (прикладной аспект) особенностей своего объекта, должна, в первую очередь, сосредоточиться на следующих проблемах: а) виды и типы знаков (семиотика), б) виды и типы знаний, представленных в этих знаках (гносеология), и механизм извлечения из знаков этих знаний, т.е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика - а, следовательно, и синтактика), в) условия возникновения и развития знаков (семиотический онтогенез) и принципы, регулирующие их функционирование (семиозис).

Решение любой из этих проблем в отрыве от других невозможно в принципе, так как в каждом случае центральным фактором, определяющим специфику того или иного круга явлений, является человек, а "в обход человека язык изучать нельзя" [3]. Вместе с тем, было бы не совсем правильно противопоставлять новый подход к язы-

ку, определяемый как антропоцентрический, т.е. ориентированный на человека в его отношении к языку и отображаемой в нем действительности, традиционным воззрением на язык как на самодостаточную знаковую систему, изучение которой ограничивается изучением соответствующих единиц и структур в их отношении к миру. Принцип неавтономности языковой системы, сформулированный еще Аристотелем, но затем на долгое время забытый, сегодня заставляет исследователей искать точки сопряжения между двумя подходами к языку, ибо так же, как нельзя сомневаться в том, что язык антропоцентричен и антропоморфен по своей природе, нельзя сомневаться и в том, что он по-прежнему продолжает оставаться системой - но не замкнутым автономным образованием, а интегрированной *частью среды*, в которой живет и действует человек; поэтому изучение языка с целью понять его устройство и функционирование (т.е. одна из основных задач лингвистики) естественным образом должно иметь *эпистемологическую ориентацию* [4].

В последние годы заметно выросло внимание, уделяемое когнитивным аспектам языка, механизмам формирования значения, связанным с познавательной деятельностью человека - и это естественно, ибо значение и знание в онтологии обнаруживают неразрывную связь [5-9]. Важную роль при этом играет изучение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка имеют решающее значение в формировании картины мира определенным этносом.

Осознание того, что язык не является автономной системой, рассматриваемой в самой себе и для себя, выдвинуло на повестку дня вопрос, который не является новым, но системно и последовательно до недавнего времени не изучался. Речь идет о соотношении таких понятий, как "познание" (и, соответственно, приобретенное в его результате "знание"), "опыт", служащий эмпирической основой познания, и "среда" (шире - "мир"), в которой существует человек и в которой осуществляется познание на основе приобретения опыта мира. Язык - это "средство превращения нашего личного опыта в опыт внешний и общественный" [10]. В этой связи все больший акцент делается на деятельностной природе языка, когда язык определяется как продукт, возникающий в процессе *совместной деятельности* [11], регулируемой не столько каким-то набором задаваемых правил, сколько очень гибкими принципами и стратегиями языкового выбора из широкого и нестабильного круга меняющихся возможностей [12] - в отличие от подхода к языку как продукту примене-

ния правил, характерному для генеративной грамматики Н. Хомского и его последователей.

В качестве центральной темы в когнитологии все чаще выступает круг вопросов, связанных с установлением зависимостей и соотношений в когнитивной цепочке "разум (сознание) - язык - репрезентация - концептуализация - категоризация - восприятие". Это ведет к смыканию когнитивной лингвистики с когнитивной психологией, эпистемологией и теорией сознания. Не останавливаясь подробно на современном положении дел в этой последней области, отметим только, что здесь вновь отмечается всплеск активности, особенно в связи с проблемой так называемой теории ментальных репрезентаций [13]. Однако несмотря на большое количество публикаций на эту тему, единой более или менее унифицированной теории ментальных репрезентаций - в методологических рамках традиционной аналитической философии - нет и быть не может (см. [14-15]).

Все дело здесь не столько в неадекватности самой методологии, сколько в исходной посылке картезианской логики, которая отчетливо прослеживается во всех современных философских теориях познания (исключая, пожалуй, концепцию М. Мамардашвили [16] и, конечно, теорию *автопопезиса*, о которой речь пойдет ниже): сознание рассматривается как независимая нематериальная (идеальная) сущность, объективируемая (реифицируемая) в языке как явление, принадлежащем миру материальному. В этом, строго говоря, и кроется корень всей проблемы, поскольку "идеализация" сознания создает неразрешимое противоречие: как может осуществляться связь между мыслью и миром, если они не имеют общей онтологии и независимы друг от друга [17]?

Г. Райл [18] наметил выход из тупика, предложив материалистический подход к проблеме сознания. В соответствии с этим подходом, все, что существует, материально (хотя сам Райл не эксплицировал этот тезис в достаточной мере), и сознание есть всего лишь совокупность предрасположенностей (материального) тела к определенному поведению, т.е. сознание предстает как комплексное свойство тела, и подходить к его изучению нужно именно с этих позиций (известных в современной науке как "редукционизм"). Тем самым Райл предвосхитил появление принципиально нового подхода к изучению сознания, познания и языка как эмпирических объектов *когнитивной науки*.

¹ Против дуалистического подхода к проблеме сознания выступал Дж. Ферс [19], хотя и по другим основаниям. Он считал, что человека нужно рассматривать как мыслящее и действующее целое, не задаваясь вопросом о соотношении между сознанием и телом, между мыслью и словом.

Современная программа изучения языка в этом направлении сформулирована в [20]: "Если теория значения вступает в противоречие с реализмом, тем хуже для этой теории. Мы натуралисты в двух отношениях. Эпистемологически, мы натуралисты, поскольку отвергаем мысль о том, что философское знание является априорным. Напротив, мы считаем, что большей частью, а может быть и в целом, философская теория носит главным образом эмпирический характер... Метафизически, мы натуралисты, поскольку мы физикалисты: существуют только физические объекты и физические процессы". Поскольку люди - часть физического мира, постольку теория языка должна быть физикалистской. Любые факты языка, в конечном итоге, должны быть физическими. "Семантические понятия, такие, как значение, истина, референция могут использоваться только тогда, когда они могут быть объяснены в лингвистических терминах; они не являются примитивами".

В современной философской теории познания под репрезентациями понимают определенные структуры сознания, включая интенциональные категории (*верить что p, желать чтобы q*), представляющие собой содержание языковых (семантических) структур на глубинном уровне, уровне сознания. Репрезентации - это концептуальные конструкторы, выводимые на основе традиционных методик философского анализа, т.е. через определение набора достаточных и необходимых условий [21]. Но наукой уже накоплено достаточно доказательств тому, что классических категорий не существует. Более того, концепты, или структуры знания, связанные с интенциональной категоризацией, намного сложнее, чем те, которые предлагает традиционный философский анализ (см. [22]).

Растет число публикаций, посвященных влиянию опыта на процессы восприятия, категоризации и концептуализации. В частности, отмечается влияние предшествующего знания на принятие категоризационных решений [23] и на овладение новыми концептами [24], подчеркивается зависимость значения от восприятия [25] и восприятия от категоризации [26], а также влияние опыта среды на узнавание объектов и категоризацию [27] и т.п.

Таким образом, если использовать традиционный метод дефиниций и примеров от противного, и если исходить из того, что понятие ментальной репрезентации не отличается от других эмпирически изучавшихся понятий, к которым прибегает здравый смысл, то в определенном смысле можно утверждать, что не может быть философской теории мыслительного содержания. В этой связи понятен и своевременен призыв "перестать

заниматься философией (в традиционном понимании) и начать заниматься когнитивной наукой" [14, с. 250]. Дж. Фодор [28] считает, что в современных условиях вряд ли стоит проводить различие между философией и когнитивной наукой: для того, чтобы избежать проблем, с которыми столкнулась философия, нужна смесь реализма, редукционизма, нативизма и семантического атомизма, вместе с репрезентационной теорией сознания.

Соглашаясь с тем, что люди - сложные составные части физического мира, обладающие свойством языковой способности, и что изучение языка несомненно должно иметь эмпирическую основу, необходимо, все-таки, подчеркнуть еще раз, что постижение природы знания и познавательных процессов (в результате которых, собственно говоря, и появляется возможность говорить о физическом мире как совокупности накопленных знаний и представлений о нем) невозможно без изучения того, где и в каком виде эти знания материализованы, т.е. без изучения языка.

Если исходить из того, что разум, в самых общих чертах, есть способность извлекать информацию из окружающего мира и использовать ее во благо, а язык является той средой, в которой и посредством которой этот процесс осуществляется наиболее эффективным образом, то закономерно возникает вопрос о возможной взаимозависимости между языком и "разумностью" как отличительным признаком биологического вида *homo sapiens*. Чтобы ответить на него, необходимо иметь представление о том, что есть сознание как свойство живого организма, и чем человеческое сознание кардинальным образом отличается от сознания других животных, например, приматов. Интуитивно это отличие связывается с языковой способностью человека, но каким образом эта способность обеспечивает человеку как виду вершинное положение на эволюционной лестнице, остается неясным. Это значит, что проблема языкового детерминизма вновь привлекает к себе внимание, и в последнее время появляются новые данные в пользу релятивистской концепции [29].

Итак, наука, имеющая объектом своего изучения естественный язык, должна рассматривать его по крайней мере в трех иерархических плоскостях: а) язык и разум (со-знание), б) знание и структуры сознания (категоризованная информация и концепты), в) информация и знак (общесемiotическая проблема значения), не забывая при этом, что адекватное понимание объекта достижимо при холистическом подходе к языку [30].

2. ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Своеобразная ситуация складывается в языкознании в связи с тем, как рассматривается язык в онтологическом плане. С одной стороны, понятие "естественный" применительно к человеческому языку ни у кого не вызывает возражений, к нему все привыкли и пользуются им при каждом удобном случае, хотя, с другой стороны, трудно привести пример специальной лингвистической работы, где язык рассматривался бы в качестве *естественного* (эмпирического) объекта. Этому, конечно же, есть объяснение, и связано оно с тем, что подобный подход к языку, за рубежом называемый метафизическим, предполагает взгляд на язык как на целостный объект, а не только на отдельные его аспекты. Одним из ранних проявлений такого подхода к языку, оказавшим заметное влияние на традиционную философию, является концепция Блаженного Августина, известная как "августинова картина (мира)", включающая в себя язык, разум и мир.

Однако в связи с тем, что в XIX в. философия постаралась освободиться от метафизики, а в истории развития науки в России в определенный период термин "метафизический" был чуть ли не ругательным, возвращение к метафизике еще не осуществилось полностью - хотя, как отмечается в философских изданиях последнего времени, "действительность, на изучение которой направляют свои усилия многие отдельные науки, - только одна, и к ней, к ее простому и целостному пониманию можно приблизиться лишь с помощью метафизического способа рассмотрения" [31].

Холистический подход к языку предполагает наличие общей философской концепции языка как эмпирического объекта и, соответственно, четкой методологической платформы, на которую должны опираться лингвистические исследования. Определение же эмпирической сущности языка сталкивается с определенными трудностями в силу его двойственной природы, поэтому сложилась ситуация, когда идеальный проект языкознания как науки, строго говоря, не определен [32]. Главным, по-прежнему, остается вопрос о *функциональном предназначении языка*.

Когда мы говорим, что язык служит для создания, хранения и передачи информации, мы охватываем два экзистенциальных аспекта языка: а) язык как деятельность (обмен информацией посредством операций над языковыми знаками) и б) язык как продукт (система знаков, усваиваемая и пополняемая опытным путем в процессе когнитивно-языковой деятельности). Однако важнейший момент в таком определении обычно остается без внимания, а именно, *взаимобусловленный* (взаимнокаузальный) характер этих двух сторон языка. В связи с этим можно предложить следующий тезис:

Тезис 1: Язык есть знаковая система, посредством которой осуществляется производство языковых объектов, составляющих знаковую систему.

Может показаться, - и на это обращал внимание В.А. Звегинцев, - что мы имеем дело с заколдованным кругом, выход из которого в рамках традиционных воззрений на язык вряд ли возможен. Однако если мы подойдем к языку как к системе, охватывающей оба аспекта его существования, то мы можем говорить о нем как о *системе с круговой организацией*. Если при этом вспомнить, что языковая система не существует сама по себе, а является видом деятельности *человека как живого организма*, отличающим его от других живых организмов, - а, следовательно, языковая способность имеет *биологическую функцию*, - то ответить на вопрос о предназначении языка (и, соответственно, понять его устройство и функционирование) мы можем, лишь ответив на вопрос о том, в чем состоит его биологическая функция.

Тезис 2. Функция языка как знаковой системы заключается в накоплении и сохранении категоризованного опыта взаимодействия человека с миром, или знания. Значение языковых знаков имеет опытную, или так называемую "экспериментальную", даже "телесную" природу, так как возникает в результате различных взаимодействий организма со средой.

"Всякий акт употребления языка ... представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта" [33], язык - это продукт нашего взаимодействия с окружающим миром, но он одновременно и часть этого мира - точно так же, как частью мира является сам человек.

Опытная природа языка (а, соответственно, и языкового знака - см. [34]), как эмпирически подтверждаемый и все более признаваемый факт ставит под сомнение основополагающий принцип ряда доминирующих направлений в языкознании (особенно западном), а именно, *порождающий* принцип в организации того, что иногда называют "грамматикой говорящего", с легкой руки Н. Хомского больше известной как "языковая компетенция". Напротив, в соответствии с данными, накопленными представителями нового, эмпирически ориентированного подхода к анализу языка, "понимание языка и его производство основаны более на репрезентациях конкретного прошлого языкового опыта, нежели чем на абстрактных грамматических правилах. ...Знание говорящего/слушающего не может быть истолковано как грамматика, но как статистическое собрание данных языкового опыта, которое слегка изменяется каждый раз, когда обрабатывается новое выска-

зывание" [35]. Как показывают эксперименты, и грамматические, и лексические значения, а также особенности функционирования единиц соответствующих уровней, усваиваются опытным путем [36].

Такой подход к языку ставит во главу угла вопрос о том, что представляет собой языковой опыт, из чего он складывается, и как соотносится языковой опыт индивида с языковым опытом социума. Не разделяя общей идеалистической позиции современного британского философа С. Приста, хочу, однако, поддержать его радикально редукционистскую мысль о том, что *сознание есть ничто помимо опыта*: «как только мы перечислим все виды опыта, которые имеет человек, то слово "сознание" уже не будет схватывать абсолютно ничего» [37]. Это ведет нас к следующему тезису:

Тезис 3. Поскольку основу всякого опыта составляет восприятие, непредвзятое изучение познания и языка невозможно без учета особенностей перцептивных процессов и самой теории восприятия.

Собственно говоря, в последние годы этот тезис стал общим местом в когнитивно ориентированных исследованиях языка. Все чаще в работах, посвященных анализу грамматических категорий, начинают присутствовать такие когнитивные понятия, как "наблюдатель", "субъект восприятия", "экспериментер", "субъект сознания", "поле зрения", "перцептуальное пространство", "личная сфера" и т.п. Другими словами, фигура наблюдателя (observer) прочно вошла в аналитический аппарат современной лингвистики, приобретая статус *системообразующего фактора* [38].

Здесь необходимо отметить одно знаменательное совпадение. В то время, как в языкознании зарождается и начинает оформляться принципиально новый подход к языку, основанный на признании его *опытной природы*, в когнитивной науке - в частности, в той ее области, которая занимается проблемами восприятия - также намечается поворот, связанный с формулированием М. Лейтоном [39] новых принципов восприятия. Отталкиваясь от справедливой мысли о том, что современные подходы к определению и изучению восприятия основаны на идеях, с необходимостью исключающих выявление ключевых закономерностей, управляющих перцептуальной системой, он предлагает очерк новой теории восприятия, основанной на *теории памяти*. Лейтон приводит довольно убедительную аргументацию в пользу того, что восприятие, в принципе, есть форма *памяти*. Память же он определяет как физический объект, находящийся в настоящем наблюдателя и имеющий признаки, которые наблюдатель объясняет каузально. Другими словами, фундаментом новой теории восприятия

оказывается эмпирический опыт - ибо что еще, по большому счету, может служить надежным критерием в выявлении причинно-следственных (каузальных) связей?

Следует отметить, что сама идея онтологической связи каузации с восприятием (и, соответственно, опытом) давно является предметом обсуждения в философии. Идея эта имеет важное значение в осмыслении языка как *особого когнитивного явления*.

Совпадение во времени появления одинаково (с точки зрения основополагающего принципа) ориентированных подходов в двух, казалось бы, разных отраслях знания отнюдь не случайно, а продиктовано закономерным ходом развития научной мысли, направленной, в конечном итоге, на постижение основ бытия. Язык и восприятие как две взаимодействующие когнитивные системы как раз и составляют эту основу, которую можно охарактеризовать как когнитивную деятельность (познание), направленную на приспособление человека к окружающей среде.

Тезис 4. Функция языка как деятельности состоит в адаптации к среде.

Приведенные четыре тезиса в основных чертах характеризуют общее магистральное направление, в котором движется лингвистика как составная (центральная) часть когнитивной науки. В ее недрах зреет осознание необходимости выработки новой философии языка, призванной разрешить противоречия, с которыми традиционное языкознание не смогло справиться. И тут мы подходим к интригующей тайне (иначе я назвать это не могу), связанной с тем, что такая философия существует и развивается уже 30 (!) лет, однако ни в языковедческих, ни в лингвофилософских работах, посвященных проблеме языка и мышления, она не упоминается. Речь идет об автопойетической теории (теории самосозидания) как теории самореферентных живых систем, или о *новой эпистемологии*.

Остановимся на этой теории более подробно.

3. ТЕОРИЯ МАТУРАНЫ-ВАРЕЛЫ

В 1970 г. чилийский биолог и кибернетик У. Матурана сделал доклад в университете штата Иллинойс в Урбане, где он занимался исследовательской работой в биокомпьютерной лаборатории (Biological Computer Laboratory). Доклад назывался "Биология познания" и содержал в себе общую концепцию биологической теории познания [40]. Очень кратко суть этой теории можно свести к следующим основным положениям.

(1) Познание представляет собой биологическое явление, и понять его можно только как такое; любое понимание области знания с точки зрения эпистемологии предполагает понимание с

точки зрения биологии. Стремление к такому пониманию требует рассмотрения двух вопросов: *Что представляет собой познание как функция?* и *Что представляет собой познание как процесс?*

(2) Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам. Наблюдатель - человек, т.е. живая система, поэтому все, что справедливо относительно живых систем, справедливо также относительно самого наблюдателя. Отсюда следует: **чтобы понять познание как биологическое явление, необходимо учитывать наблюдателя и его роль в познании и дать им объяснение.**

(3) Живые системы суть единства взаимодействий, и существуют они в том или ином окружении. С чисто биологической точки зрения их нельзя понять независимо от той части окружения, с которой они взаимодействуют, т.е. независимо от ниши. Также и нишу нельзя определить независимо от специфицирующей ее живой системы. Живая система определяется **круговой организацией**. Эта круговая организация образует гомеостатическую систему с функцией производства и поддержания самой этой круговой организации, реализующейся благодаря тому, что **компоненты**, которые ее специфицируют, являются теми самыми компонентами, синтез или поддержание которых обеспечивается этой круговой организацией. Все особые аспекты различных разновидностей организмов налагаются на эту фундаментальную кругообразность и поддерживают ее, обеспечивая ее непрерывность в последовательных взаимодействиях в непрестанно изменяющейся окружающей среде.

Живые системы являются выводными системами, а их область взаимодействий - когнитивной областью.

(4) Наблюдатель созерцает одновременно организм и окружающую среду, при этом в качестве ниши он рассматривает ту часть окружающей среды, которая, по его **наблюдениям**, входит в его область взаимодействий. Поэтому тогда как наблюдателю ниша **кажется** частью окружающей среды, для наблюдаемого организма ниша представляет собой всю область его взаимодействий, и в этом качестве она не может быть **частью** окружающей среды, которая принадлежит исключительно когнитивной области наблюдателя.

(5) Когнитивная система - это система, организация которой определяет область взаимодействий, где она может действовать значимо для поддержания самой себя, а процесс познания - это актуальное (индуктивное) действие или поведение в этой области. **Живые системы - это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой**

процесс познания. Это утверждение действительно для всех организмов как располагающих нервной системой, так и не располагающих ею. **Нервная система расширяет когнитивную область живой системы, обеспечивая возможность взаимодействия с "чистыми отношениями", познания она не создает.**

(6) Расширение с помощью нервной системы границ когнитивной области создает возможность нефизических взаимодействий между организмами, в которых взаимодействующие организмы ориентируют один другого на взаимодействия внутри когнитивных областей друг друга. В этом состоит основа коммуникации.

(7) Поскольку ниша организма - это множество всех классов взаимодействий, в которые он может вступать, а наблюдатель созерцает организм в окружающей среде, которую он сам же и определяет, поскольку для него любое, отдельно взятое поведение организма выглядит как актуализация ниши, т.е. как описание окружающей среды первого порядка (Описание). Отношение между поведением и нишей принадлежит исключительно когнитивной области наблюдателя.

(8) Один организм может вносить модификации в поведение другого организма двумя основными способами:

(а) взаимодействуя с другим организмом так, что оба организма оказываются связанными друг с другом таким образом, что последующее поведение одного из них строго зависит от предыдущего поведения другого; это имеет место, например, при ухаживании или в поединке;

(б) ориентируя поведение другого организма на какую-либо часть его области взаимодействий, отличную от части, в которую входит данное взаимодействие, причем ориентация последней может сравниваться с ориентацией ориентирующего организма. Это может иметь место, если только области взаимодействий обоих организмов в значительной мере совпадают между собой. В этом случае никакой взаимосвязанной цепочки поведения не возникает, потому что последующее поведение обоих организмов зависит от исхода независимых, хотя и параллельно протекающих, взаимодействий.

В первом случае можно сказать, что организмы взаимодействуют, во втором - что они общаются (вступили в коммуникацию). Второй случай представляет собой основу для любого языкового поведения.

(9) В ориентирующем взаимодействии первого организма поведение как коммуникативное **описание** вызывает в нервной системе второго организма специфическое состояние активности. Это состояние активности воплощает в себе отношения, порождаемые взаимодействием, и является

репрезентацией поведения второго организма (Описанием его ниши), возникшего как коннотат ориентирующего поведения первого организма. Эта репрезентация может трактоваться нервной системой как единство взаимодействий, так что второй организм при наличии соответствующей способности может взаимодействовать с репрезентациями собственных Описаний своей ниши, как если бы они были независимыми сущностями. Все это ведет к порождению еще одной области взаимодействий (а значит, и дополнительного измерения когнитивной области), области взаимодействий с репрезентациями поведения (взаимодействий), включая и ориентирующие взаимодействия, как если бы эти репрезентации были независимыми сущностями внутри ниши, - к порождению *языковой* области.

(10) Естественный язык возникает как новая область взаимодействий, в которой модификации организма вызывают его же *описаниями* своих взаимодействий, воплощенными в состояниях активности нервной системы. Естественный язык - по необходимости порождающий, ибо он является результатом рекурсивного применения одной и той же операции (выступающей в качестве нейрофизиологического процесса) к результатам этого применения. Новые последовательности ориентирующих взаимодействий (новые предложения) внутри консенсуальной области по необходимости понятны слушателю (ориентируют его), потому что каждый из компонентов, входящих в эти последовательности, обладает определенными ориентирующими функциями в качестве одного из членов консенсуальной области, в определение которой он вносит свой вклад. Отсюда следует принципиальный вывод о *коннотативном* (а не денотативном) *характере* языка. Стоит лишь признать, что функция языка состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его когнитивной области, не обращая внимания на когнитивную область ориентирующего, как становится очевидным, что никакой передачи информации через язык не происходит².

Не стоит большого труда увидеть, что многое из того, к чему когнитивная лингвистика пришла на рубеже столетий, словно в матричную форму укладывается в эту концепцию, получившую название *автопойетической* [42], а главный тезис автопойетизиса "Все сказанное сказано наблюдателем" подводит эпистемологическое основание под то направление, в котором движется сегодня когнитивная наука вообще и лингвистическая теория в частности.

² Аналогичную мысль последовательно проводит Р. Келлер: коммуникация есть выводной процесс, а язык есть результат использования семиотического знания с целью оказать влияние на других [41].

За время, прошедшее с 1970 г., биологическая теория познания получила дальнейшее развитие в целом ряде работ самого У. Матураны и его коллеги и соавтора Ф. Варелы [43-49]. Остановимся лишь на одной работе, послужившей вехой в развитии автопойетической теории: "Биология языка: эпистемология действительности" [4].

"Биология языка" - очерк о языке и взаимодействии, в котором Матурана подробно излагает свои взгляды на языковые взаимодействия. Эта работа содержит также определения ряда ключевых для автопойетизиса понятий, таких как "наблюдатель", "единство", "организация", "структура", "свойство", "пространство", "взаимодействие", "автономность", "адаптация", "восприятие" и др. Очерк состоит из четырех частей и заключения.

Первая часть - "Эпистемология" - содержит исходные положения, необходимые для научного объяснения языка. В частности, подчеркивается, что наука - это закрытая когнитивная область, в которой все утверждения по необходимости зависят от субъекта и действительны только в области взаимодействий, в которой обычный наблюдатель существует и функционирует. Будучи сами наблюдателями, мы обычно принимаем наблюдателя как само собой разумеющееся и, имплицитно принимая его универсальность, приписываем многие инвариантные черты наших описаний, зависящих от обычного наблюдателя, действительности, которая онтологически объективна и не зависит от нас. Поэтому, чтобы дать научное описание наблюдателя как системы, способной к описаниям (языку), в качестве отправной точки следует принять субъективную природу науки.

Раздел "Живые и нервные системы" посвящен определению того, что является живой (автопойетической) системой. Живые системы - автономные сущности, даже если их конкретное существование зависит от среды. Современная биохимия показывает, что эта автономность - результат их организации как систем, находящихся в состоянии непрерывного самопроизводства. Такие системы есть *автопойетические системы*. Автопойетическая система - это закрытая динамическая система, в которой все явления подчинены ее автопойетизису и все ее состояния суть состояния автопойетизиса. Этот вывод имеет важное значение для понимания автономности живых систем, процесса их адаптации к среде, онтогенетического и эволюционного отбора и т.п.

Далее Матурана переходит к определению того, что такое язык как свойство автопойетической системы (раздел "Язык и консенсуальные области"). Отправным понятием здесь служит понятие *консенсуальной области* как области взаимообусловленных поведений, которая возникает в результате онтогенетического взаимообусловленного структурного сцепления между структур-

но пластичными организмами. Здесь я считаю необходимым процитировать Матурану дословно:

"Язык... в настоящее время принято рассматривать как денотативную систему символической коммуникации, состоящую из слов, которые обозначают сущности независимо от области, в которой эти сущности могут существовать. Денотация, однако, не является примитивной операцией. Она требует общего согласия для спецификации обозначающего и обозначаемого. Следовательно, если денотация не является примитивной операцией, она не может быть и примитивной языковой операцией. Язык должен возникать как результат чего-то еще, не требующего денотации для своего становления, но порождающего язык со всеми его импликациями как тривиальный необходимый результат. Этот фундаментальный процесс есть онтогенетическое структурное сцепление, появляющееся в результате установления консенсуальной области.

В пределах консенсуальной области различные компоненты консенсуальных взаимодействий не выступают в роли обозначающих; самое большее - наблюдатель может сказать, что они коннотируют состояния участников по мере того, как они приводят друг друга во взаимобульшенные последовательности изменений состояния. Денотация возникает только в метаобласти как апостериорный комментарий о последствиях действия взаимодействующих систем, который дает наблюдатель. Если первичной операцией для установления языковой области является онтогенетическое структурное сцепление, тогда первичные условия для развития языка в принципе являются общими для всех автопойетических систем в той мере, в какой они обладают структурной пластичностью и могут вступать в рекурсивные взаимодействия.

Языковое поведение - это поведение в консенсуальной области. Когда языковое поведение имеет место рекурсивно, в консенсуальной области второго порядка таким образом, что компоненты консенсуального поведения рекурсивно соединяются в порождении новых компонентов консенсуальной области, возникает язык" [4, с. 50].

Понимание языка как поведения в консенсуальной области дает новую перспективу видения грамматики (синтаксиса) естественного языка и снимает проблему неоднозначности (как структурной, так и смысловой). В контексте того, что поведение организмов в консенсуальной области представляет собой совокупность рекурсивных операций, поверхностная синтаксическая структура или грамматика отдельного естественного языка может быть только лишь описанием регулярностей в сцеплении элементов консенсуального поведения. В принципе, говорит Матурана, этот поверхностный синтаксис может быть ка-

ким угодно, поскольку его формирование зависит от истории консенсуального сцепления и не является необходимым результатом какого-либо необходимого физиологического устройства организма. Соответственно, "универсальная грамматика", о которой говорят лингвисты как о необходимом наборе скрытых правил, общих для всех человеческих естественных языков, может относиться только к универсальности процесса рекурсивного структурного сцепления, происходящего в человеческом организме через рекурсивное применение компонентов консенсуальной области без консенсуальной области.

Для наблюдателя языковые взаимодействия предстают как семантические и контекстуальные взаимодействия. Тем не менее, взаимодействия в консенсуальной области есть не что иное, как строго структурно организованные взаимобульшенные поведенческие цепочки. Поэтому наблюдателю, не знающему структурных состояний организмов, вступающих в языковые взаимодействия, результат отдельного языкового взаимодействия может показаться неоднозначным, как если бы действительная синтаксическая значимость отдельного языкового поведения определялась неким внутренним, неявным правилом. И все же для каждого конкретного организма, вступившего в языковое взаимодействие, такой неоднозначности не существует.

Принятие консенсуальной области взаимодействий организмов за основу построения новой эпистемологии позволяет Матуране подойти к определению действительности (раздел "Действительность") как "области, специфицированной операциями наблюдателя". В конечном итоге, говорится в "Заключении", "не остается ничего кроме наблюдателя. Но наблюдатель не существует в одиночестве, поскольку его существование с необходимостью подразумевает по крайней мере еще одно существо как необходимое условие для установления консенсуальной области, в которой он существует как наблюдатель".

Даже по необходимости краткое изложение принципов автопойезиса позволяет увидеть, что биологическая концепция познания и языка предлагает возможное решение ряда проблем, занимавших языковедов длительное время. Назову лишь некоторые из них.

Во-первых, устраняется кажущееся методологическое противоречие между подходом к языку как к деятельности и как к продукту, поскольку язык развивается по принципу автопойетической системы. Автопойезис разрешает проблему заколдованного круга в науке о языке, приняв кругообразность за основной принцип организации живых систем.

Во-вторых, автопойезис последовательным и непротиворечивым способом - т.е. научно - обосновывает подход к языку как к когнитивной (адаптивной) деятельности, основанной на взаимодействиях с репрезентациями как специфическими состояниями активности нервной системы наблюдателей, находящихся в консенсуальной области взаимодействий. Это радикальным образом переводит философскую дискуссию о природе ментальных репрезентаций в естественнонаучную плоскость, позволяя приблизиться к пониманию того, что есть сознание и как протекают мыслительные процессы.

В-третьих, в новом свете предстает вопрос о соотношении значения и смысла в языке: принятие тезиса о коннотативном характере языка ведет к тому, что вопрос попросту утрачивает ту принципиальную значимость для теории языка, которую ему традиционно придают философы и лингвисты. Автопойетическое определение коммуникации ведет к необходимости переосмысления таких понятий, как "информация" и "знание", которыми, как принято считать, люди обмениваются в процессе общения.

В-четвертых, - и это вытекает из предыдущего вывода, - автопойезис имеет важное значение для семиотики, так как заставляет по-новому подойти к проблеме знака как эмпирической сущности, с которой как с компонентом среды взаимодействует наблюдатель в процессе когнитивной деятельности.

В-пятых, понятие "универсальной грамматики" переводится из разряда чисто лингвистических концептуальных конструктов в разряд когнитивно-феноменологических, одновременно подтверждая обоснованность высказывающегося сегодня мнения относительно опытной природы грамматики (см. выше).

В-шестых: поскольку с точки зрения автопойетической эпистемологии "нет ничего, кроме наблюдателя", происходит поворот на 180° в определении субъективной точки отсчета в языке, которой до сих пор принято считать говорящего. Говорящий приобретает статус вторичного фактора, отдавая право первородства наблюдателю - со всеми вытекающими последствиями, количество и степень значимости которых языковедам еще только предстоит установить. Соответственно, иерархическая цепочка "разум (сознание) - язык - репрезентация - концептуализация - категоризация - восприятие", определяющая основные направления исследований в современной когнитологии, подвергается существенной модификации и принимает следующий вид: "восприятие (включая категоризацию) - репрезентация (включая концептуализацию) - коммуникативное взаимодействие (язык) - репрезентация (языковых взаимодействий) - восприятие". Сознание

при этом приобретает статус метакатегории как совокупность всего феноменального опыта среды, сфера которого потенциально раздвигается до бесконечности благодаря языковой когнитивной области.

Наконец, в-седьмых: взаимнокаузальный характер взаимодействий организма со средой определяет *адаптивную функцию языка* (и сознания), обеспечивающую *управление средой*. В конечном итоге, именно благодаря этой функции человек как вид занимает господствующее положение.

Итак, если мы теперь вернемся к вопросу о том, почему в основной массе работ по когнитивной науке (включая когнитивную лингвистику) отсутствуют упоминания автопойетической теории - несмотря на то, что она, по сути, представляет собой готовую методологию, объяснительный потенциал которой уже по многим пунктам подтвержден накопленными эмпирическими данными - становится ясной одна главная причина: автопойезис представляет собой *альтернативную когнитивную теорию, выстроенную на других эпистемологических основаниях, нежели современная когнитивная наука* (см. начало статьи). Принятие ее, с точки зрения когнитологов доминирующего направления, означало бы отказ от ряда положений современной науки, ставших практически аксиоматичными. К их числу следует, в первую очередь, отнести представление о мышлении как о вычислительном процессе³ и определение языка как знаковой системы для сохранения и переработки информации (знаний).

Представляется, однако, что в таком отказе нет необходимости. Нужно просто посмотреть, насколько адекватно существующая теория отражает и специфицирует эмпирические факты, и если обнаружится, что уровень адекватности перестал отвечать минимальным требованиям непротиворечивости предлагаемых этой теорией объяснений (а это, действительно, имеет место), значит используемый ею аналитический аппарат нуждается в "доводке". Биологическая теория познания может прекрасно послужить инструментом такой доводки, в результате которой новая эпистемология сама способна обогатиться недостающими понятиями и определениями, замыкая круг, без которого нет жизни, - а, значит, и науки. Изучение места и роли языка в этом круге жизни и должно стать идеальным проектом языкознания.

³ Ср. с характерным высказыванием Д. Федора: "Идея Алана Тьюринга о том, что мышление есть вид вычислительной деятельности, сегодня, я полагаю, является частью интеллектуального аппарата каждого..." [28, с. 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lepore E., Pylyshyn Z. (eds.). What is cognitive science?* Blackwell, 1999.
2. *Кубрякова ЕС.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. С. 150.
3. *Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 29.
4. *Maturana H.R.* Biology of language: The epistemology of reality // Eds. Miller G., Lenneberg E. *Psychology and biology of language and thought.* N.Y.: Academic Press, 1978. P. 28-62.
5. *Chomsky N.* Linguistics and cognitive science: problems and mysteries // Ed. Kasher A. *The Chomskyan turn: generative linguistics, philosophy, mathematics, and psychology.* Oxford: Blackwell, 1991. P. 26-55.
6. *Heine B.* Cognitive foundations of grammar. Oxford UP, 1997.
7. *Koenig J.-P. (ed.).* Discourse and cognition. Bridging the gap. Cambridge UP, 1998.
8. *Dirven R., Verspoor M. (eds.).* Cognitive exploration of language and linguistics. John Benjamins, 1999.
9. *Fox B., Jurafsky D., Michaelis L. (eds.).* Cognition and function in language. Cambridge UP, 1999.
10. *Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997. С. 71.
11. *Clark H.H.* Using language. Cambridge UP, 1996.
12. *Verschuieren J.* Understanding pragmatics. Oxford UP, 1999.
13. *Watson R.A.* Representational ideas: From Plato to Patricia Churchland. Dordrecht: Kluwer Academic, 1995.
14. *Stick S.* What is a theory of mental representation? // *Mind.* 1992. Vol. 101. № 402. P. 243-261.
15. *Croft W.* Linguistic evidence and mental representations // *Cognitive Linguistics.* 1998. Vol. 9. № 2. P. 151-173.
16. *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.
17. *Kim J.* Mind in a physical world: An essay on the mind-body problem and mental causation. Cambridge, MA: The MIT Press, 1998.
18. *Ryle G.* The concept of mind. London: Hutchinson, 1949.
19. *Firth J.R.* Papers in linguistics 1934-1951. Oxford UP, 1957.
20. *Devitt M., Sterelny K.* Language and reality: An introduction to the philosophy of language (2nd edition). Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. P. x; 11.
21. *Schlechtman M.* The brain/body problem // *Philosophical Psychology.* 1997. Vol. 10. № 2. P. 149-164.
22. *Taylor J.R.* On running and jogging // *Cognitive Linguistics.* 1996. Vol. 7. № 1.
23. *Palmeri T.J., Blalock C.* The role of background knowledge in speeded perceptual categorization // *Cognition.* 2000. Vol. 77. № 2. P. B45-B57.
24. *Nelson D.G.K., Frankenfield A., Morris C, Blair E.* Young children's use of functional information to categorize artifacts: three factors that matter // *Cognition.* 2000. Vol. 77. № 2. P. 133-168.
25. *Allwood J., Gaerdenfors P. (eds.).* Cognitive semantics: Meaning and cognition. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999.
26. *Schyns P.G.* Categories and percepts: a bi-directional framework for categorization // *Trends in Cognitive Sciences.* 1997. Vol. 1. № 5. P. 183-189.
27. *Wallis G., Bülthoff H.* Learning to recognize objects // *Trends in Cognitive Sciences.* 1999. Vol. 3. № 1. P. 22-31.
28. *Fodor J.* In critical condition: Polemical essays on cognitive science and the philosophy of mind. Cambridge, MA: London, England: The MIT Press, 1998.
29. *Skoyles J.R.* The Sapir-Whorf hypothesis: new surprising evidence. ([http:// www.cogprints.../psyc199901008](http://www.cogprints.../psyc199901008)).
30. *Josephson B.D., Blair D.G.* A holistic approach to language. Departmental report. Cambridge University, Dept. of Physics, Theory of Condensed Matter Group. 1982. (www.cogprints.../ling/199809001).
31. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс - Энциклопедия, 1994. С. 265.
32. *Фрумкина Р.М.* Самосознание лингвистики - вчера и завтра // *Изв. АН. Сер. лит. яз.* 1999. Т. 58. № 4. С. 28-38.
33. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 9.
34. *Кравченко А.В.* Естественнонаучные аспекты семиозиса // *Вопросы языкознания.* 2(Ю0. № 1. С. 3-9.
35. *Bod R.* Beyond grammar. An experience-based theory of language. CSLI Publications: Stanford, CA. 1998. P. xii.
36. *Tomasello M., Brooks P.J.* Young children's earliest transitive and intransitive constructions // *Cognitive Linguistics.* 1998. Vol. 9. № 4. P. 379-395.
37. *Прист С.* Теории сознания / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 273.
38. *Кравченко А.В.* К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 1993. Т. 52. № 3. С. 45-56.
39. *Leyton M.* New foundations for perception / Eds. Lepore E., Pylyshyn Z. *What is cognitive science?* Blackwell, 1999. P. 121-171.
40. *Maturana H.* Biology of cognition. BCL Research Report 9.0, Urbana, IL: University of Illinois, 1970 / Рус. пер.: Матурана У. Биология познания // *Язык и интеллект.* М.: Прогресс, 1996. С. 95-142.
41. *Keller R.* A theory of linguistic signs / Transl. by Duenwald K. Oxford UP, 1998.

42. *Maturana H., Varela F. Autopoiesis and cognition: The realization of the living. Dordrecht, Holland: Reidel, 1980.*
43. *Maturana H. On the misuse of the notion of information in biology // Journal of Social and Biological Structures. 1983. Vol. 6. P. 155-158.*
44. *Maturana H. The mind is not in the head // Journal of Social and Biological Structures. 1985. Vol. 8. № 4, P. 308-311.*
45. *Maturana H. Everything said is said by an observer // Ed. Thompson W. Gaia: a way of knowing. Hudson. N.Y.: Lindisfarne Press, 1987. P. 65-82.*
46. *Maturana H. The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence // Ed. Caianiello E. Physics of cognitive processes. Singapore: World Scientific, 1987. P. 324-379.*
47. *Maturana H. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. 1988. Vol. 9. № 1. P. 25-82.*
48. *Maturana H., Varela F. The tree of knowledge: The biological roots of human understanding. Boston: Shambhala, 1987.*
49. *Varela F. Autopoiesis and a biology of intentionality // Eds. McMullin B., Murphy N. Autopoiesis and perception: A workshop with ESPRIT BRA 3352. Dublin, 1992.*